

Пока не постучат

повесть в девяти этажах и трёх подвалах

ГЛЕБ ЛЮКОВ

Глеб Люков

Пока не постучат

<https://litres.ru/74653619>

SelfPub; 2026

Аннотация

На девятом этаже у него было небо в окне, тетрадь на столе и море, на которое они с братом в этом году точно поедут. Потом он зацепился за край ковровой дорожки и проснулся этажом ниже.

Лифт отсюда ездит только вниз. Сверху на стук не отвечают. Сосед приносит котлеты и предупреждает, что здесь странная акустика: что ни скажешь, всё звучит как правда. А «ладно, потом» оказывается тёплым словом, в которое хорошо заворачивается что угодно.

Короткая притча о том, как человек опускается на дно, годами не замечая серой двери с надписью «Выход». Этажи здесь слышны по самому языку: с каждой главой рассказ звучит иначе.

Содержание

Пока не постучат	4
9	5
8	8
7	10
6	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глеб Люков
Пока не постучат

Пока не постучат

Повесть

На девятом этаже у меня было небо.

В самом прямом смысле. Если сесть на подоконник и приклониться виском к холодному стеклу, его было видно целиком, от антенн на соседней крыше до самой макушки, где голубое густело и начинало отдавать в чернила. По вечерам оно наливалось сначала мёдом, потом марганцовкой, потом кто-то наверху поворачивал выключатель, и над городом одно за другим загорались окна других девятиэтажек, жёлтые и квадратные, как моё. Я любил думать, что в каждом из них сидит человек вроде меня и тоже смотрит вверх, и что все мы немного знакомы, просто ещё не успели поздороваться.

На подоконнике снаружи жили голуби. Жили нахально, с той уверенностью, какая бывает только у существ, ни разу в жизни не боявшихся высоты. По утрам они топтались по жести, как по барабану, и будили меня раньше будильника. Я их не гонял. Мы были соседями по этажу, а с соседями я тогда ещё умел ладить.

Кухня у меня была белая, с полоской голубой плитки на уровне глаз, будто кто-то провёл по стене линию горизонта и забыл стереть. Потолок высокий, лампочку меняли со стремянки, а стремянку я одалживал у соседа, потому что своей так и не завёл. Я вообще мало чем обзавёлся. Зато у меня была тетрадь.

Я писал в ней по ночам. Что писал, сейчас уже неважно. Важно, как. Часа в два, когда дом засыпал и холодильник заводит свой ночной монолог, я садился за стол в майке, наливал чай, про который тут же забывал, и писал так быстро, что ручка не поспевала, а мысль бежала впереди неё, как собака на прогулке, и всё оглядывалась: ну где ты там? Иногда я смеялся вслух. Один, в пустой кухне, на девятом этаже, над спящим городом. Если бы кто-нибудь увидел, вызвал бы врача. Но видели только голуби, а голуби свидетели надёжные, никому не расскажут.

По утрам я ходил в бассейн. К шести, пока все спят. Вода сначала обжигала, потом принимала меня за своего, и я плыл, и свет с потолка дрожал на дне длинными золотыми нитками, и после этого весь день был лёгким, будто из меня вынули половину костей и оставили только те, что нужны для смеха.

Раз в неделю звонил брат, и мы спорили, на какое море поедем летом. Брат хотел туда, где тихо. Я говорил: да хоть на какое, лишь бы вода и чтобы горизонт ни во что не упирался. Мы спорили третий год подряд, и я точно знал, что в этом году поедем. Я тогда вообще многое знал точно. Будущее время у меня было в полном порядке, я пользовался им каждый день и ни разу не задумался, кто его обслуживает.

Вот такая была жизнь. Ничего выдающегося. Жизнь человека, у которого в окне небо и на столе тетрадь, и который совершенно не догадывается, что это много.

А споткнулся я на ровном месте.

Был вторник. Я шёл по коридору выносить мусор. В коридоре лежала ковровая дорожка, старая, бордовая, протёртая посередине до ниток, и край у неё вечно загибался, как уголок страницы, которую кто-то хотел запомнить. Я тысячу раз через него перешагивал. А в тот раз не перешагнул. Нога зацепилась, и я сделал тот самый лишний шаг, какой делаешь в темноте на лестнице, когда думаешь, что впереди ещё ступенька. Пол ушёл вниз. Совсем немного, на полшага. В животе ёкнуло, и сразу отпустило.

Ведро я, кстати, удержал. До сих пор считаю это главным достижением того вечера.

Падать с девятого этажа, как выяснилось, совсем не страшно. Страшно потом, когда просыпаешься на восьмом и видишь, что потолок опустился ровно настолько, чтобы это заметить, и недостаточно, чтобы закатить скандал.

Ладонь. Может, полторы. Побелка желтоватая, в мелкую сетку трещин, как старая фарфоровая чашка, которую лучше не мыть горячей водой. Люстра чужая, с тремя рожками, один не горит. Окно на месте, только небо в нём теперь по пояс, а ниже пояса соседняя крыша, у антенн которой я раньше видел одни макушки. Голубей нет. Голуби остались наверху. Им-то что, у них крылья.

Первые полчаса я лежал и искал подвох. Мебель стояла как будто моя, но сдвинутая на сантиметр, как в квартире, где побывали воры, ничего не взяли и всё потрогали. Ведро стояло у двери. Его я, как помните, удержал.

Потом я встал на кровать и постучал.

Вежливо, костяшками, как стучат соседям, у которых слишком громко играет музыка, а ссориться не хочется, потому что ещё жить рядом. Три раза. Подождал. Постучал кулаком. Потом, признаться, ладонью, плашмя, со всего размаху, так что сверху на лицо посыпалась побелка и попала в рот. На вкус она была как мел из школьного детства, как контрольная по алгебре, к которой не готовился.

— Эй! — крикнул я. — Я здесь! Я внизу!

Сверху было тихо.

Пустая тишина звенит, в ней слышно, как гудят провода. Эта была плотная, ватная. Так молчат люди, которые прекрасно тебя слышат, переглядываются на кухне и делают телевизор погромче. Я потом хорошо узнаю эту тишину. Но тогда я ещё думал, что наверху просто спят.

Я слез и сел на край кровати. Руки в побелке, колени в побелке. Сердце колотилось так, будто стучать продолжало оно, само, уже без меня.

— Ничего, — сказал я вслух. — Это недоразумение. Утром разберусь.

Утром на кухне обнаружился чайник. Белый, пузатый, с бурой накипью на дне, похожей на карту несуществующего материка: вот полуостров, вот залив, вот горный хребет, на котором никто никогда не бывал. Я налил воды, поставил, сел ждать. Чайник долго молчал, потом начал шуршать, будто внутри кто-то листал газету, потом загудел и щёлкнул.

И знаете что? Мне стало легче. От чайника. Я до сих пор не могу себе этого простить.

Как я оказался на седьмом, я не заметил. Заметил только, что небо в окне теперь по грудь, а лампочка в прихожей стала ближе к макушке. Видимо, ночью я ещё раз за что-то зацепился. Во сне ведь тоже ходишь, просто не помнишь куда.

Но сил у меня тогда было много. Злых, весёлых сил, какие бывают в первый день после ссоры, когда ещё уверен, что прав.

Я сел за стол, нашёл в ящике пачку чистой бумаги, положенную туда будто специально, и написал сверху: «Что делать». Подчеркнул. Посмотрел. Звучало как у Чернышевского, то есть безнадёжно. Зачеркнул и написал «План». План звучал бодрее, с ним хотелось вставать по будильнику.

Выяснить, как отсюда подняться.

Позвонить брату.

Море. В этом году точно.

Дописать то, что начал.

Бассейн, хотя бы два раза в неделю.

Прочистить голову.

Над шестым пунктом я просидел минут десять. Как его выполнять? Как понять, что выполнил? Голова не раковина, вантузом не прочистишь. Но вычёркивать было жалко. В этом пункте была какая-то правда, которую я не мог сформулировать, только чувствовал, как сквозняк из-под двери.

Лифт нашёлся в конце площадки: исцарапанные двери, табличка про четыреста килограммов, кнопки, оплавленные чьими-то зажигалками. Я нажал «вверх». Кнопка не загорелась. Я нажал сильнее. Подержал, пока не заныл ноготь. Постучал по ней, как стучат по телевизору, когда пропало изображение.

Ничего.

Тогда, исключительно из научного интереса, я нажал «вниз».

Кнопка вспыхнула тёплым оранжевым светом, где-то в шахте радостно заурчало, и через секунду двери разъехались. Кабина была чистая, светлая, с зеркалом во весь рост. Пахло кофе и чьими-то хорошими духами. Лифт стоял передо мной с открытыми дверями, как официант, который уже отодвинул стул.

Я отступил на шаг.

Двери постояли, подождали. Потом закрылись, неторопливо, без всякой обиды. Это было хуже всего: что без обиды. Как будто там, в шахте, прекрасно знали, что я никуда не денусь.

Лестницу я в тот день не нашёл. Коридор тянулся налево, лампочки горели через одну, а дальше, в самом конце, началась темнота, густая, хоть ложку ставь. Я дошёл до последней горящей лампочки и встал под ней, как под фонарём на краю света. Впереди могла быть лестница. Могла быть стена. Могла быть дыра в полу, прямо в подвал, и тогда уж точно

с концами.

«Завтра возьму фонарик», — решил я.

Дома я прицепил план к холодильнику магнитом в виде лимона. Магнит висел там до меня, кто-то оставил. План держался криво. Я поправил его дважды, а потом ещё раз, перед сном.

Сосед появился на шестом. Вернее, это я появился на шестом, а сосед жил там всегда, лет двадцать, судя по тапкам.

Он позвонил вечером. В руках тарелка, накрытая другой тарелкой, и держал он её бережно, как держат что-то живое, способное убежать.

— Это вам, — сказал он. — Котлеты. Жена наделала, а нам столько не съесть.

За пятьдесят, майка с растянутым воротом, треники с пузрями на коленях. Лицо доброе и чуть заспанное. У таких лиц не бывает плохих новостей.

— Новенький? Слышу, стучишь по ночам.

— Извините.

— Да брось. Все стучат.

Котлеты пахли чесноком и пережаренным луком, тем особенным подгоревшим маслом, каким пахнут все общие кухни на свете. Я вдруг понял, что не ел со вчерашнего утра. Голод, оказывается, никуда не уходил. Стоял себе в очереди за остальными чувствами и ждал, пока до него дойдут.

Я пригласил соседа зайти. Он сел на табуретку у холодильника и на мой план даже не взглянул. Котлеты были суховатые, как в школьной столовой по четвергам, когда к ним давали пюре, которое можно было ставить на ребро. Знаете, бывает еда, которая вкусна уже тем, что её тебе принесли.

— Я тоже первое время стучал, — сказал сосед, жуя. — Месяца три. Каждую ночь, как на работу. Жена говорит: руки отобьёшь, дурак. А я стучу.

— И что?

— А что. Ничего. Пошли, покажу.

Квартира у него была такая же, как моя, только обжитая до последнего сантиметра: ковёр на стене с оленями, сервант с хрусталём, который доставали раз в год, телевизор под вязаной салфеткой, будто ему тоже бывает холодно. В спальне сосед показал на потолок.

Я сначала ничего не увидел. Потом увидел. Вмятины. Круглые, неровные, десятки. Целое созвездие, как следы града на крыше машины. Все аккуратно заделаны шпаклёвкой и покрашены краской чуть белее, чем надо, но в полумраке почти незаметно.

— Зашпаклевал потом, — сказал сосед со смущённой гордостью. — Некрасиво же. Гости приходят, спрашивают.

Я смотрел на эти заделанные кулаки и молчал. Так смотришь на чужой шрам и вспоминаешь, что у тебя на том же месте ссадина, ещё свежая, ещё саднит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.